

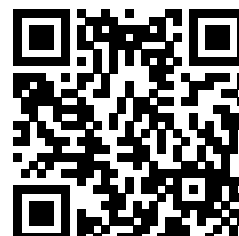
Мы помним

«Бряцание самым страшным оружием снова подводит мир к роковой черте». Олжас Сулейменов о том, как в 90-е удалось остановить ядерные испытания

Международный Конгресс «Избиратели мира против ядерного оружия», 1990 г. Фото: архив МАД Невада-Семипалатинск

15:59, 4 июля 2025,

ОТ РЕДАКЦИИ

В 2025 году исполнилось 36 лет Международному антиядерному движению «Невада-Семипалатинск». Через это движение казахстанцы обрели себя во взаимодействии с миром, осознав свою сорокалетнюю боль как общую боль человечества. В своем последнем интервью казахской телевизионной группе за несколько часов до своего ухода академик Сахаров назвал это «экзаменом на способность выжить».

Движение, родившееся на казахстанской земле, подарило человечеству шанс отказаться от ядерного конца и продолжить путь в будущее. Архивы «Невады» были включены в Реестр документального наследия ЮНЕСКО «Память мира».

Но люди легко забывают свою историю, и мир снова стоит на грани уничтожения. Мы снова подошли к обрыву. Страны — Россия и Украина, США, Иран, Израиль и Палестина, Индия и Пакистан — одна за другой бомбят друг друга, бряцают ядерным оружием, подводя человечество к роковой черте.

Мы попросили лидера движения — Олжаса Омаровича Сулейменова — рассказать эту важную главу истории мира, автором которой он был.

Мы, казахи, на этой каторге родились

29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне произошло

первое засекреченное испытание ядерного оружия. С этого дня на родине Абая сорок лет гремели взрывы, и целые семьи десятилетиями вымирали от неизвестных заболеваний. В конце 1980-х, изучая истории болезней в Семипалатинской области, мы не нашли там ни одного диагноза, связанного с радиацией. Врачи писали, что человек ушел из жизни из-за туберкулеза, дизентерии или других привычных болезней.

В 1961 году Хрущев произвел испытание супербомбы на Новой Земле. Ударная волна взрыва трижды обогнула земной шар. Естественно, это взбудоражило мировую общественность. И в августе 1963-го был заключен международный договор о запрещении испытаний в воздухе, воде и на земле. Взрывы ушли под землю. Тогда я написал стихотворение о запрещении испытаний:

Страна,

Ты прошла испытания Казахстаном —

есть сегодня земля,

на которой «грибам» не расти.

Испытали Тараса.

Федора испытали.

Петроград, прости.

Ленинград, мою землю прости...

В XX столетии, сокращенном войнами, голодом и репрессиями, испытывали не только атомные бомбы, но и целые народы.

Заканчивалось стихотворение словами:

...Казахстан, ты огромен —

пять Франций —

без Лувров, Монмартров —

уместились в тебе все Бастилии грешных столиц.

Ты огромной каторгой

плавал на маленькой карте.

Мы, казахи, на этой каторге родились.

Испытания ушли под землю, и мы пребывали в радостном успокоении до 1989 года. Пока в стране полным ходом не началась гласность. И свобода слова коснулась даже военных.

Миг демократии

Однажды ночью в феврале 1989 года мне, как депутату Верховного Совета СССР, позвонил человек и начал взволнованно говорить:

«Я — летчик с аэродрома Чаган, недалеко от Семипалатинского полигона. Мы думали, кому позвонить, и решили, что вы, как депутат, сможете донести это до верхов. Вчера, 12 февраля, при испытаниях бомбы повышенной мощности произошел выброс радиоактивных газов, и облако фронтом в несколько километров прошло над нашим городком. А у нас здесь дети, семьи, мы больше не можем это терпеть! Всегда при подземных испытаниях выбрасывается

радиоактивный газ, но обычно атомщики рассчитывали розу ветров так, чтобы облако не коснулось жилых поселков, городов и ушло в степь. Хотя в степи тоже люди живут, но там народу меньше, чем в городах...»

Утром я собрал в Союзе писателей депутатов — Дмитрия Снегина, Саина Муратбекова и Кадыра Мырзалиева. Мы составили письмо в Верховный Совет СССР, в котором сообщили об этом событии. Тогда мы впервые потребовали прекратить испытания.

Письмо дошло до адресата. Через некоторое время Горбачев позвонил первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Колбину: «Что там у вас? Пусть мне местные власти сообщат, как испытания влияют на здоровье и жизнь населения». Колбин дал поручение секретарю Семипалатинского обкома Бозтаеву подготовить такое письмо, которое тот и направил.

В итоге правительственная комиссия пришла к выводу о том, что никаких критических последствий нет и испытания необходимо продолжать «в штатном режиме».

Вскоре произошел новый взрыв еще большей разрушительной силы.

Историкам будет полезно узнать, почему были увеличены мощности испытаний. Горбачев через некоторое время после вступления в должность решил сократить взрывы, чтобы американцы сделали то же самое. И целый год полигон молчал. Но в США испытания продолжались. Поэтому на Семипалатинском полигоне специалисты нарастили мощности, чтобы наверстать упущенное время.

25 февраля мне как кандидату в депутаты Верховного Совета нового созыва было положено 10 минут прямого эфира. И я их использовал. В прямом эфире сообщил о происходящем на полигоне и призвал людей на митинг. Через три дня в Союзе писателей Казахстана было запланировано собрание книголюбов. Я сказал, что на этом собрании речь пойдет о проблеме ядерных испытаний.

Олжас Сулейменов — лидер МАД Невада-Семипалатинск. Фото: архив МАД Невада-Семипалатинск

28 февраля к зданию Союза писателей Казахстана пришли тысячи людей. Многие приехали из Семипалатинской области.

Митинг выплеснулся на улицы, где скандировались лозунги с призывами закрыть полигоны и отказаться от ядерного оружия. Так родилось Международное антиядерное движение «Невада-Семипалатинск», поддержанное миллионами казахстанцев.

Я предложил назвать наше Движение не «Семипалатинск», а «Невада-Семипалатинск», потому что два этих суперполигона

живут как сиамские близнецы — если один заболевает, то и второму не поздоровится, если один остановится, то и другой замолчит.

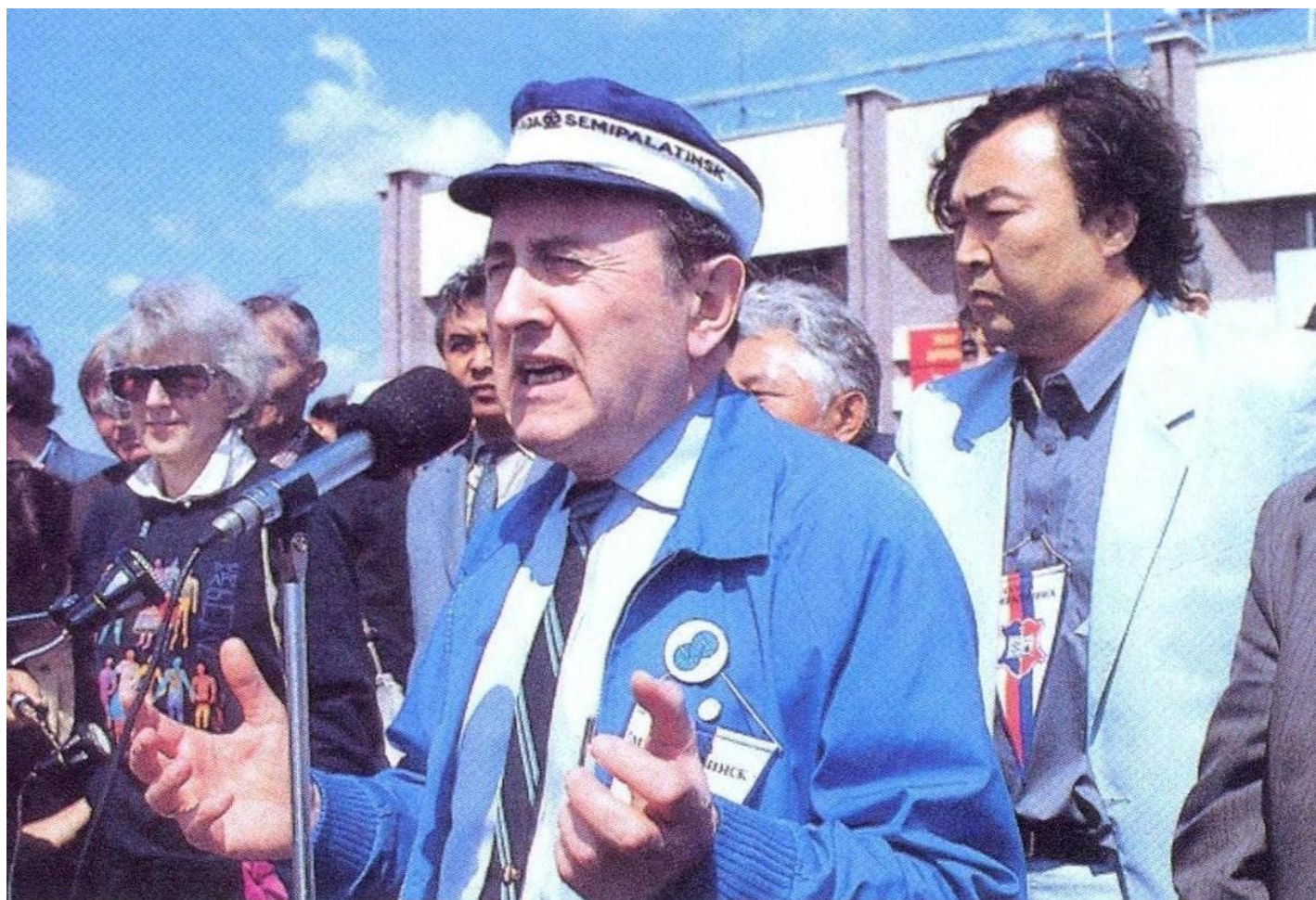
Мы объявили по радио: чтобы войти в Движение, достаточно прислать свою подпись на листочке бумаги. В течение следующих двух недель мы получили два миллиона подписей. Так создавалось самое массовое движение не только в Казахстане, но и, может быть, в мире.

В то удивительное время мы переживали миг демократии. Краткий миг, которым мы воспользовались по-настоящему. Избиратели и депутаты тогда обрели небывалую мощь.

Это сейчас парламент не имеет никакого реального значения, формально принимая законы. Голосуют «за» или «против», но чаще — «за», подписывая документы, подготовленные клерками из администрации.

Тогда как раз начались выборы в Верховный Совет нового созыва. Товарищи выдвинули мою кандидатуру от Алма-Аты. Наш ЦК сделал все, чтобы мне помешать, даже выставил против меня бригадира. После первого тура я дал объявление в «Казахстанскую правду», что снимаю свою кандидатуру. Бороться с бригадиром не буду. И через день получаю звонок из Москвы: «Срочно вылетайте в Москву. Вы включены в состав делегации, сопровождающей Михаила Сергеевича на встрече с Маргарет Тэтчер в Лондоне».

Я согласился и вылетел.

Международный Конгресс «Избиратели мира против ядерного оружия», 1990 г. Фото: архив МАД Невада-Семипалатинск

В Лондоне Горбачев засел за переговоры с Тэтчер. Железная леди высказывала ему планы, согласованные всем Западом.

На обратном пути в Москву меня позвали в кабину пилота: звонил Геннадий Толмачев, руководивший моей избирательной кампанией. Он сообщил, что в Семипалатинской области назначили второй тур голосования. И приглашают меня выдвинуть свою кандидатуру.

Я принял приглашение. В итоге на выборах сто процентов проголосовали «за». Потом, итожа пережитое, понял, что Движение наше оказалось единственным союзником Горбачева против военно-промышленного комплекса в вопросе ядерных испытаний. Единственным союзником, которого все давят. И Горбачев принял решительные меры — вызвал меня в Англию в составе высшей делегации, что было для нашего ЦК сигналом — не мешать мне. И народ впервые открыто проголосовал —

против полигона и за депутата Сулейменова.

День, когда казахские рабочие проявили свое понимание истории

В 1989 году движение остановило на Семипалатинском полигоне 11 взрывов из 18 запланированных на тот год, с каждым днем обретая всенародную поддержку.

В ноябре мы приняли участие в организации забастовки шахтеров Караганды. Требования организаторов были в основном экономические. Я настоял на включении в список наших требований главного пункта — остановить испытания ядерных зарядов. Последний взрыв раздался 19 октября, когда еще шла забастовка.

Митинг МАД Невада-Семипалатинск, 1989 г. Фото: архив МАД Невада-Семипалатинск

Шахтеры под руководством «Невады-Семипалатинск» выступили с требованием: «Мы считаем этот взрыв 19 октября 1989 года последним в истории испытаний. Если раздастся еще хоть один, забастовка будет продолжена до указа президента СССР о полном завершении испытаний! К нашей забастовке присоединятся все крупные предприятия КазССР».

Такое обращение мы отослали срочным письмом в Москву.

И оно подействовало. Седьмой взрыв оказался последним. Больше ни одно испытание на Семипалатинском полигоне не случилось.

Эту дату — 19 октября — уже давно необходимо включить в календарь знаменательных и памятных дат Казахстана и человечества. День, когда казахские рабочие проявили свое понимание истории.

Руководство военно-промышленного комплекса попыталось ввести в дело резервный полигон на Новой Земле. Верховный Совет, в котором по моей инициативе была создана парламентская ассоциация «За безъядерный мир» (150 активнейших голосов из 500!), воспротивился этому.

20 ноября 1989 года было принято Постановление Верховного Совета СССР с поручением Правительству страны рассмотреть вопрос о закрытии Семипалатинского полигона.

Вскоре мы начали получать много звонков и писем от наших появлявшихся за рубежом союзников с поздравлениями и словами поддержки. Так показала себя в действии модель осознанной взаимозависимости народной дипломатии и парламентской.

Эта модель впервые начала проявляться в политике нашего государства благодаря активности движения. За ней начинало

брезжить, угадываться желаемое нами будущее страны.

У меня есть строчки:

Ты испытал такое —

вставать с колен?

Неведомое счастье —

подняться в рост!

Крылатое мгновенье,

как взмах пера,

талант бойца —

уменье

понять — пора!

Предчувствовать событие —

нелегкий дар.

Пора!

Ты из укрытия

и под удар!

Тогда наше ощущение — пора! — и объективно подготовленный временем момент совпали в великом стремлении человечества к миру.

...В марте 1990-го мы разослали сообщение о том, что Движение «Невада-Семипалатинск» проведет в Алма-Ате Международный

конгресс под девизом «Избиратели мира против ядерного оружия».

Первыми, кому послали приглашение, стали главы организации «Врачи мира против ядерной войны» доктор Лаун (США), доктор Чазов (СССР). Затем оповестили антиядерщиков Японии, Франции, Англии. Получили подтверждения об их участии. Из США сообщили, что в конгрессе изъявили желание участвовать сотни избирателей, знающих об успехах «Невады-Семипалатинск». И недавно возникшая организация «Парламентарии за глобальные действия» обязательно пришлет свою делегацию. Целый ряд конгрессменов и сенаторов активно высказались за участие в этом обсуждении. Такие же обнадеживающие сигналы поступили из Англии и Франции — стран, входящих в «Атомный клуб». Стран, где избираемый еще зависит от избирателя.

Чем наш конгресс будет отличаться от всех других? Впервые в одном зале, плечом к плечу будут работать и дискутировать избиратели и избираемые. Это будет форум народной дипломатии и парламентской, участвующих в обсуждении главного вопроса века.

Меня как организатора тревожили весьма прозаические вопросы — где разместить делегатов? Где найти средства, чтобы всех принять и достойно провести встречу? У Движения денег не было. В правительства Москвы и Алма-Аты за помощью не обращались: общественным организациям не положено по закону.

И я, обдумывая эту почти гроссмейстерскую задачу, все-таки нашел точный ход. Ход к чемпиону мира по шахматам — Анатолию Карпову: он тогда был председателем Фонда мира СССР.

«Мы ведь за безъядерный мир боремся! И к тому же я —

председатель Шахматной федерации Казахстана».

В этом фонде деньги были не бюджетные, поэтому и обратился. Собрали папку обращений, пожеланий, списков желающих прибыть из зарубежья — всё, что говорило о важности предстоящего мероприятия.

И Карпов перечислил на счет Движения 400 тысяч рублей.

(Долг, который я так и не вернул. В Советском Союзе началась перестройка, которая остановила не только возврат денег, но и прервала развитие страны.)

Обсуждение программы МАД Невада-Семипалатинск по закрытию всех ядерных полигонов мира. Фото: архив

Суммы хватило на размещение гостей в лучшей гостинице Алма-Аты «Казахстан».

А самолеты? С этим вопросом я обратился прямо к министру гражданской авиации СССР Бугаеву. Зашел в его кабинет —

«посоветоваться пришел». Посоветовались. И Бугаев выделил нам большой самолет. Более трехсот участников прилетели на нем из Нью-Йорка. Он весь день, пока шел конгресс, стоял в аэропорту Алма-Аты. И во второй день доставил этих американцев-избирателей и парламентариев — в Семипалатинск. Там в Абаевском районе состоялся митинг. И вечером того же дня лайнер, забрав тех же пассажиров, улетел в Америку.

Я помню атмосферу конгресса, насыщенного кислородом чистых намерений, поступков и надежд. И нам было дано на себе это почувствовать. Возможно, кто-то в этот момент потихоньку делал себе карьеру, но мы, не скрываясь, участвовали в создании нового мира и его надежд.

Не забыть вдохновением наполненный зал конгресса! Ни одного занудного доклада, ни одной речи по бумажке. Говорили профессионально и экспромтом о новой данности — несколько месяцев молчит Семипалатинский полигон, остановился полигон на Новой Земле. Советский Союз прекращает испытания, а может, уже прекратил! «Дело за нами!»

Нобелевская премия

Ближе к завершению слово взял бывший генерал, много лет отдавший американскому ядерному оружию. После выхода на пенсию примкнул к антивоенному движению и завоевал авторитет активной деятельностью. Заканчивая выступление, он напомнил, что завершаются все сроки выдвижения кандидатов на Нобелевскую премию мира: вручение уже в октябре. Можно опоздать, а самое важное событие, достойное этой премии, конечно, — остановка испытаний ядерного оружия.

«Предлагаю конференции выдвинуть на эту премию руководителя Движения «Невада-Семипалатинск» — Олжаса

Сулейменова!»

Зал активно поддержал предложение генерала.

Я вышел на трибуну. Помню основные тезисы своего заключительного слова:

Международный Конгресс. Избиратели мира против ядерного оружия, 1990 г. Фото: архив МАД Невада-Семипалатинск

«Мы убедились, что способны многого добиться, если объединить народную дипломатию с парламентской. Еще большего можно достичь, если объединить все антиядерные, антивоенные организации мира в Глобальный Альянс. Учредительную конференцию надо

провести в Нью-Йорке, в зале Штаб-квартиры ООН. Такая символика придаст Альянсу дополнительной энергии.

Мы будем работать с избирателями, используя их влияние на избираемых. Избиратель должен потребовать от кандидата в депутаты во все парламенты стран «Атомного клуба» — выступить против оружия массового уничтожения. Такой наказ должен получить от своих избирателей каждый кандидат на пост президента или премьер-министра.

А что касается Нобелевской премии, я поднял над головой раскрытую ладонь — это жест нашего Движения, протест против пяти полигонов Земли. Замолчал пока только один. Наша работа продолжается: мы должны остановить и остальные — в штате Невада, на атолле Муруроа, в пустыне Лобнор, на Новой Земле. Давайте остановим все полигоны! И когда это случится, мы сами придем в Нобелевский комитет и потребуем свою премию!».

Зал аплодировал значительно дольше, чем генералу.

(Вернувшись в Америку, генерал, видимо, убедил свою организацию не упускать премию этого года, и сразу после возвращения на родину выдвижение состоялось. Выдвинули самого генерала за «активную» антиядерную деятельность, приведшую к сокращению испытаний в СССР. В октябре он слетал в Норвегию и получил желаемое.)

Исчезнувшие награды

Американские партнеры, вероятно, почувствовали, какую-то неловкость от случившегося. Через некоторое время мне позвонил Председатель Совета министров Узакбай Караманов и радостно сообщил: «Олжас! Сүйінші! На твое имя в канцелярию пришел денежный перевод из какого-то американского Фонда — 628 тысяч долларов!»

(Позже я понял, что это был ответ американцев на мой отказ от Нобелевской премии. Своеобразная компенсация. Вероятно, часть первоначально круглой суммы, аналогичной Нобелю, ушла на налоги.)

— Новость хорошая, с меня пол-литра. Когда приходить за премией?

— Сегодня доложу президенту, оформим, как следует, и пригласим получать.

Он доложил президенту. И был уволен.

Президент присвоил себе эти деньги. Видимо, сильно нуждался в долларах. С этого началась его активная президентская деятельность на новом посту.

Американцы были несколько озадачены, потому что никакого ответа и благодарности не дождались.

Похожий случай произошел позднее и с французской наградой. Первый французский посол в Казахстане Фуко осенью 1992 года сообщил мне, что президент Миттеран по пути в Пекин решил сделать остановку в Алма-Ате на пару часов. И вручить мне награду за антиядерную деятельность — Орден Почетного легиона.

«В 11 утра будет вручение. Но не в посольстве. Вас пригласят. В 12 меся Президент отбудет в аэропорт».

Миттеран прилетел в назначенное время. Я сижу, жду звонка. Тишина.

Оказалось, Назарбаев встретил его и сообщил, что «Сулейменов сейчас в отъезде». Миттеран оставил орден — чтобы передали, когда я вернусь. И улетел в Пекин.

Вскоре я увиделся с послом и спрашиваю: «А где орден?»

Фуко развел руками. Он понял, что здесь происходит...

Через некоторое время Назарбаев через МИД настоял, чтобы его отозвали во Францию.

Через 30 лет уже новый президент Франции Эммануэль Макрон, узнав об этой истории от нового посла в Казахстане, подписал приказ о повторном (впервые в истории!) награждении Олжаса Сулейменова Орденом Почетного легиона уже в степени офицера.

Конечно,

свои поступки мы совершаем не ради орденов или званий. Но они отмечают наш путь. Страна должна гордиться своими гражданами, которых признает и слышит мир. По каждому из нас судят обо всем народе и его лидерах.

Казахстан тогда приобрел особый статус. С тех пор нас помнят как лидера антиядерного движения в мире. Впервые народ Казахстана выступил против сорокалетней беды, осознав свою боль как общую боль человечества.

Великая возможность мира

В январе 1991 года мы как никогда были близки к всемирному отказу от ядерного оружия. Провели учредительную конференцию Глобального Антиядерного Альянса в Нью-Йорке, в зале Штаб-квартиры ООН. Мы объединили все антиядерные, антивоенные и экологические движения мира. Выступая на конференции, я предложил провести межпарламентский референдум, чтобы все парламенты мира, а их около 200, ответили на один вопрос: «Нужно ли ядерное оружие нашей стране и человечеству?»

И первым парламентом, который ответит на этот вопрос, я предложил считать Верховный Совет СССР.

Бывший министр иностранных дел СССР Шеварднадзе тогда оказался в Нью-Йорке. Он связался с Горбачевым и сообщил ему об этой программе. Тот поддержал — пусть Верховный Совет СССР будет первым в этом референдуме.

А если парламент самой сильной ядерной державы заявит, что ему не нужно ядерное оружие, тогда и остальным: американцам, англичанам, французам и китайцам придется согласиться!

Телемост Невада-Семипалатинск. В кадре: Олжас Сулейменов, Гульжан Ергалиева, 1991 год. Фото: архив МАД Невада-Семипалатинск

В Глобальном Антиядерном Альянсе мы создали первую межпарламентскую делегацию: два конгрессмена и два сенатора США, два парламентария из Англии и двое из СССР — руководитель атомного института Евгений Велихов и Сулейменов (Велихов тогда заболел и вместо него полетел Владимир Якимец).

Такая делегация трех ядерных держав Запада и Востока была создана впервые в истории. И это было большим обещанием объединения, а не распада.

Целью нашей было подготовить референдум и парламенты к голосованию за безъядерный мир.

Делегация вылетела в Москву, где мы обсудили с Горбачевым нашу программу, а вечером, не задерживаясь, вылетели в Лондон. Там в эти дни сменялся премьер-министр, и поэтому он не мог нас принять. Но мы не стали откладывать нашу миссию и встретились с министром обороны Великобритании, изложив

ему наши планы. Из Лондона мы отправились в Вашингтон для встречи с Бушем-старшим. Тот еще не вернулся из командировки в Мексику. Мы объяснили наш план советнику по безопасности и обороне, а уходя, в коридоре Белого дома неожиданно встретили Буша, усталого после полета, но улыбчивого. Конгрессмены нас представили, и мы обсудили все в коридоре.

Через час наша делегация покидала Белый дом с уверенностью, что и Конгресс, и Сенат США примут участие в запланированном референдуме. Конечно, мы видели, что некоторые американские генералы хотели закончить холодную войну по-своему, но в то же время убедились, что многие конгрессмены и сенаторы были искренни в своем желании снять с повестки дня главный вопрос современности — угрозу уничтожения жизни на Земле.

Какая это была возможность! Сохранить мир в третьем тысячелетии. Использовать удивительное историческое мгновение! Все готовились к этому великому событию. Кто-то с надеждой. Кто-то не представлял, что свободное волеизъявление в нашей стране возможно. Но в Москве, Нью-Йорке, Лондоне и других столицах парламентарии были подготовлены к миру.

И мы знали, что большинство на референдуме ответит — нет ядерному оружию!

Это был колоссальный шанс.

Мир уверенно шел к единству — к эпохе осознанной взаимозависимости! Но Советский Союз был уничтожен бездарными политиками без всякой ядерной атаки.

...А сейчас мы с ужасом не отходим от телевизора, чтобы узнать, как один за другим бомбят друг друга Россия, Украина, США, Иран, Израиль, Палестина, Индия, Пакистан...

История совершается, когда сочетаются тысячи насыщенных биографий в одну большую биографию народов. Мы знаем, что эту единую судьбу можно мгновенно сократить. Собранную всем временем в тысячелетиях судьбу эту за несколько секунд можно прекратить вообще!

Теперь мы снова подошли к обрыву, за которым нет дорог. Но конец мира, который приближают бездарные политики, не устраивает нас — людей на этой Земле. Ни один народ, ни человечество.

Едва ли наши народы заслужили такой финал. Мы заслужили годы и века долгой, творческой жизни.

Съемки интервью художника Карипбека Куюкова (жертвы ядерных испытаний) и ветерана МАД Невада-Семипалатинск). Фото: архив

Никто не заслужил, чтобы адресом следующего ядерного взрыва стал его город и улица, на которой играют дети. Сумеет ли человечество затормозить, если на проезжую часть исторического пути выбежит ребенок?

Родовой клич — во имя счастья наших детей! — когда-то оправдывал истребление чужого рода. Когда человечество делилось резко на «мы» и «не мы».

Удивительно, что эта первобытная альтернативность внедряется в сознание и сегодня, когда ни один народ, государство или континент не могут, не должны рассматривать свою судьбу вне планетарной взаимозависимости.

Ребенок на дороге — и мой, и твой. И эта ситуация разоблачает обаяние призыва — вперед! Там, за ребенком, для меня нет никакой цели. Только вместе с ним.

Это понимание делает еще более важной память о том времени и событиях, в которых нам посчастливилось поучаствовать. О тех датах мирового значения, которые и наше Движение добавило историкам.

И тех великих возможностях, о которых мы помним. И желаем правительствам не забывать, а воспользоваться ими и оставшимся временем, пока еще не совсем поздно.

Олжас Сулейменов, президент Международного антиядерного движения «Невада-Семипалатинск», специально для «Новой газеты»